

После восшествия на престол нового императора, вся страна Чжумин постепенно вернулась к нормальному порядку. Юный император Лань, управляемый советом министров, и редкий в этом году благоприятный климат создавали видимость мирного и процветающего времени. Покойный император Цзэ оставил после себя хорошо отлаженный государственный аппарат – четыре старших министра, пока с ними ничего не случится, смогут спокойно управлять страной ещё лет десять-восемь.

Насчёт этого Цю Ибо в душе испытывал некоторое восхищение. Он ожидал, что наступит период неразберихи, учитывая количество взрослых принцев, окружавших трон. Однако император Цзэ при всём кабинете министров объявил, что в течение трёх лет принцам запрещено въезжать в столицу. Поскольку это было устное повеление покойного императора, а кабинет министров засвидетельствовал его, никто не осмелился нарушить. Разве что кто-то действительно не мечтал о троне.

Цю Ланьхэ, свободный от дел, сидел с Цю Ибо за неторопливой беседой и выпивкой. Вино «Белый кленовый нектар», которое Цю Ибо приготовил по возвращении, как раз подошло к употреблению, и он велел достать два больших кувшина. За разговором они коснулись прошлых событий.

- Дядя Ланьхэ, - спросил Цю Ибо, - те, кто поджёг Исследовательский институт той ночью, были людьми покойного императора?

Сначала он думал, что это люди наследного принца, но потом передумал.

Цю Ланьхэ слегка покачал головой:

- Это были люди императрицы. Пока институт существует, ты остаёшься главной угрозой для низложенного наследного принца.

- Хм... - Цю Ибо опустил глаза и отхлебнул вина.

Он не хотел расспрашивать о делах, связанных с императором Цзэ. После его смерти Цю Ланьхэ получил то, чего хотел, но Цю Ибо почему-то не замечал, чтобы он был особенно рад.

Цю Ланьхэ попробовал свежее-открытое вино:

- Вино вышло отличное. Оставь мне ещё.

- Оно у меня во дворе, - улыбнулся Цю Ибо. - Если захочешь выпить, просто пошли людей накопать. Только осторожнее, чтобы не обрушили погреб... Если можешь подождать, дай ему постоять ещё лет десять. Когда вино выдохнется, останется только густая эссенция, и тогда, если разбавить её новым вином, получится настоящий шедевр.

Цю Ланьхэ рассмеялся:

- Боюсь, я до этого момента не доживу.

Цю Ибо удивился:

- Вам сейчас нет ещё и шестидесяти. Через десять лет вам будет всего семьдесят. Чего бояться?

Цю Ланьхэ лишь улыбнулся в ответ.

Цю Ибо, подперев щеку рукой, вдруг почувствовал, как в нём просыпается озорство.

- Дядя, пойдёмте! - воскликнул он. - Найдём лучший южный квартал, закажем вам десяток красавцев - худых, полных, каких угодно! Как насчёт того, чтобы провести ночь в веселье и удовольствии?

Цю Ланьхэ поперхнулся и с укором рассмеялся:

- Где ты этому научился? Не боишься, что предки, узнав, перебьют тебе ноги?

- Мне уже за тридцать, - отмахнулся Цю Ибо. - Ничего страшного.

Цю Ланьхэ вдруг серьёзно ответил:

- Предаваться вину и страстям вредно для самосовершенствования. Да и зачем смотреть на красавцев, когда можно просто посмотреть на тебя.

Цю Ибо расхохотался, взял кувшин и налил Цю Ланьхэ вина, нарочито тонким голосом проговорив:

- Благодарю господина Цю за комплимент. Позвольте мне налить вам вина...

Тут же тыльная сторона его ладони получила шлепок.

- Как это выглядит со стороны? - улыбнулся Цю Ланьхэ. - Веди себя прилично.

Цю Ибо игриво подмигнул, но всё же налил полную чашу. Они выпили вместе, и когда Цю Ибо собрался налить ещё, Цю Ланьхэ перевернул свою чашу на столе:

- Мне хватит.

Цю Ибо не стал настаивать и налил себе.

Цю Ланьхэ внимательно разглядывал его и наконец произнёс:

- А 'Бо, ты уже взрослый. Я знаю, что ты сохраняешь молодость, но окружающие могут начать задаваться вопросами.

Между двадцатью и тридцатью разница во внешности не так заметна, и это можно списать на природу. Между тридцатью и сорока - на хороший уход. Но если в сорок выглядеть так же, как в двадцать, это уже странно.

Цю Ибо задумался и щёлкнул пальцами. Его черты стали более зрелыми.

- Не волнуйтесь, дядя Ланьхэ, - сказал он. - Я постепенно подкорректирую.

Вообще, можно было и не стараться - просто позволить внешности меняться с возрастом.

Цю Ланьхэ какое-то время разглядывал его, чувствуя что-то знакомое в его облике. Наконец он понял, что в манере Цю Ибо появились черты, очень напоминающие его собственные. Он улыбнулся и перевернул чашу обратно:

- Давай выпьем ещё по одной.

Цю Ибо налил ему вина и заговорил о другом:

- Через два месяца вернётся флот. Письмо уже пришло - они нашли растение под названием кукуруза. Урожайность высокая, вкус сладкий. Когда привезут, пусть институт несколько лет поработает над выведением сортов.

- Жаль, что все посадки батата в институте сгорели в том пожаре, не осталось ни семян. Эта партия была сладкой и мягкой, следующую придётся ждать ещё два года.

В нынешние времена для выведения новых сортов использовали примитивные методы: сажали партию, отбирали растения с наибольшей урожайностью и нужной сладостью, снова сажали или пытались прививать. Экспериментировали партия за партией, пока не добивались стабильного результата. Затем выращивали в больших количествах, чтобы получить много стабильных семян.

Цю Ибо уже отправил людей на Хайнань и северные границы создавать новые исследовательские базы. Благодаря разнице в климате можно было выращивать несколько партий в год.

Цю Ланьхэ внимательно слушал и наконец спросил:

- Мне всегда было интересно, откуда ты знал, что за морем есть такие растения?

Цю Ибо собирался сказать, что слышал от друзей, но передумал врать.

- Просто попробовал удачу, - ответил он. - Подумайте: за морем тоже есть страны. У них есть горы, реки, поля. Что они там выращивают? Им ведь тоже нужно есть. Даже у нас на севере и юге страны растёт разное. А они от нас за десятки тысяч ли - конечно, у них другие культуры. Я послал людей спросить, купить, попробовать. Вдруг получится? Земля-то у нас одинаковая, наша даже плодороднее. Нет причин, почему бы не вырастить.

Цю Ланьхэ кивнул:

- Верно. Через несколько сотен лет тебя будут помнить как нового Шэньнуна.

Цю Ибо покачал головой:

- Эта заслуга не моя. Оставьте её себе.

- Зачем она мне?

- Разве слава в истории - это плохо? - Цю Ибо подмигнул. - С такими заслугами, даже если вы убьёте императора, потомки поставят вам статую и будут поклоняться. Со мной иначе - вдруг ваш племянник случайно доживёт до тех времён? Не хотелось бы, чтобы люди молились на меня, как на покойника.

Цю Ланьхэ рассмеялся:

- Ладно, пусть будет так... Маленькому императору нужен наставник. Им будешь ты.

- Что? - Цю Ибо сразу отказался. - Нет, нет! Мне и себя хватает. Учить ещё кого-то? Да ещё императора, которого нельзя ни ударить, ни обругать? Если я случайно доведу его до смерти, это будет совсем невыгодно.

- Не нужно учить, - сказал Цю Ланьхэ. - Просто номинально. Заходи во дворец раз в десять дней, посмотри, как дела.

Если это просто формальность, Цю Ибо согласился.

На следующий день на совете министров предложили трёх кандидатов в наставники императора, главным из которых был Цю Ибо. Возражений не последовало.

В последний раз Цю Ибо видел императора Ланя лет шесть-семь назад, когда только приехал в Яньцзин и спас его из южного квартала, куда того похитили. Сейчас об этом знали уже немногие.

Императору Ланю сейчас было десять лет. Он был миловидным мальчиком - родители у него были хороши собой, так что это нормально. Из-за того, что он не был любимчиком, он избежал участи, постигшей других детей от руки императрицы, но приобрёл хрупкую, робкую натуру, словно всего боялся.

Между ним и Цю Ибо была принципиальная разница. Хотя оба родились с золотой ложкой во рту, Цю Ибо с детства был окружён любовью и заботой, имел всё, что хотел, а старшие относились к нему с разумной строгостью. Император Лань же боролся за выживание в глубинах дворца, где даже слуги с положением могли третировать его.

Тот случай, когда он сбежал из дворца и встретил императора Цзэ, стал поворотным моментом в его жизни. Император Цзэ вернул его во дворец, но не стал уделять ему особого внимания. Вместо этого он жёстко пресёк недостойное обращение с детьми, гарантировав, что все принцы и принцессы получают положенные им еду, одежду и прочее. Только тогда император Лань начал жить по-настоящему царской жизнью.

Но он всё равно оставался робким. Даже после вмешательства императора Цзэ существовало множество способов обеспечить его всем необходимым, но сделать его жизнь невыносимой. Ему всё ещё приходилось угождать слугам, всем своим братьям, сёстрам и наложницам, чтобы хотя бы не вызывать их неприязни и жить чуть лучше.

Император Лань снова встретил Цю Ибо днём, когда весеннее солнце светило особенно ярко. Тот самый могущественный министр, о котором говорили няньки и наложницы, появился перед ним, лёгкий, как ветер, касающийся одежды. Их взгляды встретились, и молодой человек, красивый и элегантный, слегка склонился в поклоне.

Император Лань вдруг что-то вспомнил и тихо проговорил:

- Господин Цю... это вы... тот самый брат, который спас меня в детстве?

Цю Ибо улыбнулся:

- Вы помните?

Коллеги, все старики за пятьдесят, с любопытством посмотрели на него.

- Его величество в детстве вышел погулять за пределы дворца и столкнулся с негодьями, - невозмутимо объяснил Цю Ибо. - Я как раз приехал в Яньцзин и тоже имел с ними дело. По счастливой случайности помог.

- Вот как, - закивали коллеги.

...

Десять лет спустя Исследовательский институт представил стабильные, высокоурожайные и сладкие сорта кукурузы и батата. Главная заслуга была приписана Цю Ланьхэ. На следующий год Цю Ибо представил засухо- и морозоустойчивые сорта кормовых трав. Северные кочевники подчинились. Как раз в это время министр Цянь ушёл в отставку, и Цю Ибо вошёл в кабинет министров, став вторым премьером по фамилии Цю.

Цю Ланьхэ было уже почти семьдесят, а Цю Ибо перешагнул сорокалетний рубеж. Теперь он понимал, что Цю Ланьхэ был прав десять лет назад. С его нынешним кашлем и слабым зрением Цю Ибо действительно боялся давать ему крепкое вино, настоящее на винной эссенции.

Когда Цю Ибо исполнилось сорок два, умер его дядя, Цю Ланьси. Ему было семьдесят семь – почтенный возраст.

Цю Ибо и Цю Ланьхэ вернулись в семейное поместье, когда дядя ещё дышал. Увидев их, он слабо проговорил:

- Ланьхэ вернулся?..

- Бо'Эр тоже вернулся?..

Увидев Цю Ибо, он попытался сесть. Цю Ибо решил, что дядя от старости впал в маразм.

- Дядя, лежите...

Дядя схватил его за руку и устремил взгляд куда-то за его спину:

- Бо'Эр вернулся... значит, и Хуайли вернулся... Хуайли...

Цю Ибо почувствовал, как у него запершило в носу.

- Старший брат уже в пути, – тихо сказал он. – Подождите ещё немного.

Цю Хуайли и Цю Лули вошли в секретный мир Ван Янь. Цю Хуайли получил тяжёлые ранения и сейчас находился в затворничестве, восстанавливаясь. Цю Лули, испытав озарение, отправился в путешествие, и сейчас никто не знал, где он.

Тётя, слёзы на глазах, взяла дядю за руку и успокоила:

- Хуайли скоро вернётся. Ложись! Старый уже, а всё беспокоишься. Как бы Хуайли, вернувшись, тебя не отругал.

Дядя покорно позволил уложить себя обратно. Он устался в полог кровати и пробормотал:

- Жена... я вижу Мэнли... Она пришла... За мной?

Тётя отвернулась, торопливо смахивая слёзы. Цю Мэнли была их первенцем. Она вышла замуж и умерла при родах в восемнадцать лет...

- Да, – прошептала тётя. – Мэнли пришла за тобой. Если тебе тяжело, иди. Подожди меня там. Я подожду Хуайли здесь, а потом присоединюсь к вам.

- Хорошо, - ответил дядя и испустил дух.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только рыданиями тёти, склонившейся над телом.

Цю Ибо вдруг заметил, что у тёти уже совсем седые волосы. Оглядев остальных, он понял, что все постарели.

Возможно, из-за того, что он виделся с Цю Ланьхэ каждый день, он не замечал, как тот стареет. Но теперь, встретившись с родственниками, он осознал, что прошло уже почти двадцать лет.

Он посмотрел на Цю Ланьхэ. Тот уже не был тем статным, элегантным красавцем. Его лицо покрыли морщины, седые волосы почти полностью вытеснили чёрные, да и те были жёлтыми и безжизненными.

Цю Ибо вытер уголки глаз, глубоко вздохнул и вышел за дверь.

Он не хотел больше смотреть. Он вдруг понял, почему все эти годы не хотел жить в родовом поместье. Даже видя дядю только по праздникам, он сейчас чувствовал невероятную горечь. Если бы видел его каждый день, было бы ещё хуже.

Похороны в семье Цю прошли скромно. Родственники спросили Цю Ибо, не хочет ли он возглавить семью, но он отказался, и титул главы семьи перешёл к Цю Или.

Затем умерла тётя, потом вторая тётя... Цю Лули вернулся в конце года, пожил дома два года, проводил родителей в последний путь и стал замкнутым.

Цю Ибо, как человек, прошедший через подобное, хотел отправить его обратно в секту Линсяо, но тот отказался и выбрал продолжать путешествие.

В последнее время Цю Ибо всё больше увлекался разработкой лекарств, продлевающих жизнь. Цю Ланьхэ, которого он пичкал ими, стал румяным, но однажды у него полдня шла носом кровь, что вызвало переполох в усадьбе.

Несмотря на это, в семьдесят девять лет Цю Ланьхэ ушёл из жизни.

Это был прекрасный весенний день. Цю Ланьхэ, как обычно, прогуливался по саду, а когда устал, прилёг отдохнуть у любимого пруда с карпами. Мягкое ложе, тёплое весеннее солнце, чашка лёгкого чая и книга для души... Он устал читать, книга упала ему на грудь, и он уснул - чтобы больше не проснуться.

Когда Цю Ибо вернулся и попытался разбудить его, Цю Ланьхэ уже не было в живых.

Он ушёл без болезней и страданий, в своё время, с лёгкой улыбкой на губах.

Цю Ибо долго стоял в оцепенении, глядя на карпов, беззаботно плавающих в пруду. Наконец он спросил у Мянъ Хэ:

- Господин ничего не сказал перед смертью?

- Господин оставил письмо, - с трудом сдерживая слёзы, ответил Мянъ Хэ. - Оно лежит на столе в его кабинете.

Цю Ибо кивнул.

- Уйдите все. Я ещё постою тут... Отойдите подальше. Займитесь похоронами, приготовлениями, приглашениями, поминками, проводами... У дяди Ланьхэ нет детей, так что этим займусь я. И передайте, что я беру отгул.

Он отослал всех подальше.

Повернувшись, он осторожно коснулся лица Цю Ланьхэ, поправил его волосы. Ещё утром они обсуждали, что будут есть завтра, а теперь, пока он выходил по делам, дяди не стало.

Капля упала на одежду Цю Ланьхэ. Цю Ибо попытался стереть её, но на светло-зелёной ткани осталось круглое пятно. Уставившись на него, Цю Ибо вдруг разрыдался.

Ночью он бодрствовал у гроба и велел Мянью Хэ принести письмо. В нём было три листа: один с распоряжениями о семье, два других – о государственных делах.

Цю Ибо перечитывал их снова и снова, пытаясь следовать воле Цю Ланьхэ и сжечь письмо, но несколько раз протянув руку к жаровне, так и не смог этого сделать.

Ладно, сделаю это потом.

После смерти Цю Ланьхэ люди сами несли к воротам его усадьбы белые флаги и свечи. Многие оделись в траурные одежды. В день похорон весь город был в траурных украшениях – все пришли проводить Цю Ланьхэ в последний путь.

Гроб с телом Цю Ланьхэ вынесли за город, но в могилу опустили только одежду. Гроб забрал главный евнух Чжан, который к тому времени уже был дряхлым стариком. Под охраной Цю Ибо гроб доставили в мавзолей императора Цзэ.

Главный евнух Чжан поклонился Цю Ибо и сказал:

- Когда-то император хотел, чтобы господин Цю последовал за ним в смерть. Но в последний момент телохранители так и не получили приказа.

С этими словами главный евнух Чжан и несколько других слуг, прислуживавших императору Цзэ, внесли гроб в мавзолей и опустили каменную плиту, навсегда запечатав вход.

Да, последней волей Цю Ланьхэ было быть похороненным вместе с императором Цзэ.

И тут Цю Ибо наконец понял, что означали те редкие моменты, когда после смерти императора Цзэ во взгляде Цю Ланьхэ появлялась тоска.

Возможно, между ними действительно было что-то настоящее.

Цю Ибо посмотрел на запечатанный мавзолей и ушёл.

Дома внезапно стало тихо.

Казалось, всего один человек исчез, но усадьба премьер-министра Цю, лишившись своей опоры, стала безжизненной. Огромная усадьба опустела, остался только он.

Цю Ибо бродил по дому без цели и вдруг усмехнулся. Хорошо бы оставить её младшим поколениям. Садовая усадьба в золотом районе столицы – это же целое состояние.

Императору Ланю было уже двадцать пять, и он хотел править самостоятельно. Цю Ибо

согласился.

Как и следовало ожидать, император вступил в сговор с аристократическими семьями, и в итоге реформа по ограничению их влияния провалилась. Аристократические семьи были ослаблены, но после смерти Цю Ланьхэ, когда остался только Цю Ибо, они поспешили вернуться к власти.

Влияние Цю Ибо достигло пугающих масштабов. Ему даже не нужно было прилагать усилий – разные люди сами приносили ему сведения о каждом шаге императора.

Цю Ибо не хотел вмешиваться. Пусть делает, что хочет. Если император сможет победить такую мощную силу, значит, аристократические семьи больше не поднимутся.

Он вспомнил клятву, которую дал с Цю Ланьхэ... Трудно, но вроде бы выполнил.

Прошло ещё пять лет, и Цю Ибо окончательно прижал аристократические семьи, заставив их бояться высунуть нос. Атмосфера при дворе стала чище.

- Ваше величество, – окликнул императора Цю Ибо.

Тот уже вырос в статного юношу с густыми бровями и ясными глазами. Услышав голос, он обернулся и увидел поседевшего Цю Ибо, сидящего на перилах с мечом в руках.

Он должен был отчитать его за нарушение дворцового этикета и отсутствие манер, но слова застряли у него в горле.

- Господин Цю, – сказал император. – Что вы...

Меч воткнулся в мраморный пол прямо перед носком его туфли, погрузившись на треть и продолжая дрожать.

Меч был целиком из золота, украшенный жемчугом и нефритом, излучающий благородное сияние.

- Ваше величество узнаёт этот меч? – с улыбкой спросил Цю Ибо.

Император уставился на меч и сквозь зубы проговорил:

- Конечно узнаю. Меч Шанфан.

Цю Ибо кивнул, его глаза смеялись:

- В последнее время ваше величество проявляло некоторую твёрдость, но вчерашнее уже перешло все границы. Покойный император и покойный премьер Цю отдали все силы, чтобы заложить основу нынешнего процветания, когда все страны приходят с данью. А теперь ваше величество хочет добровольно отдать северных кочевников другим? Скажите, разве это не поступок глупого правителя?

Император молчал, лишь пристально глядя на Цю Ибо.

Тот издал насмешливый звук:

- Хм?

Император стиснул зубы:

- Это... я не до конца продумал.

- Похоже, ваше величество способно к рефлексии, - сказал Цю Ибо. - Оставлю этот меч во дворце. Пусть он напоминает вам о сегодняшнем разговоре... Я всегда к вашим услугам.

С этими словами он ушёл.

Как только он скрылся из виду, император в ярости закричал:

- Вон! Все вон! Кто он такой, чтобы?! Вон! Выбросьте этот меч и переплавьте его!

Главный евнух Ли подбежал и осторожно сказал:

- Ваше величество, успокойтесь...

- Что ещё?!

Главный евнух Ли замялся, но после того, как император немного остыл, продолжил:

- Господин Цю... господин Цю сказал, что меч Шанфан дарован покойным императором, и просит ваше величество обращаться с ним бережно. Иначе он ничего не сможет поделаться с общественным порицанием...

Он помолчал и добавил:

- Господин Цю также сказал, что, подарив этот меч вашему величеству, он просит новый взамен. В родовом храме без него чего-то не хватает.

- Хорошо... Хорошо! - скрипел зубами император. - Посмотрим, сколько он ещё проживёт!

В этот день император снова чуть не умер от злости на премьера Цю. Говорят, он несколько дней пил холодный чай, чтобы остудить гнев.

Цю Ибо лишь усмехнулся. Пусть себе.

В последнее время он разбирал свои вещи: вино, сладости, магические предметы, которые создал, техники, которые получил.

Забавно, раньше он мог случайно наткнуться на приключение, просто гуляя по улице, а теперь, прожив десятки лет в мире смертных, не нашёл ничего.

Видимо, удача закончилась.

И где же По Ицю?.. Вот бессердечный тип - прислал ему какую-то книжонку, а сам даже не заглянул.

Разбирая техники, Цю Ибо вдруг дотронулся до серёжки с лазуритом - вот ещё эти трое, нельзя забывать.

До испытания Первородного Духа осталось недолго. Нужно подумать, не стоит ли заодно усовершенствовать Печь Десяти Тысяч Сокровищ.

И ещё «Метод Земных Страстей» – По Ицю отделился так давно, не возникло ли проблем? Лучше перечитать.

Закончив с двумя техниками, Цю Ибо задумался и достал ещё «Метод Великого Равнодушия». Он получил техники даосского господина Шо Юня – может, стоит, как и он, создать иллюзорный мир и по-настоящему взять ученика?

Нельзя же просто позволить этой технике пропасть.

Неожиданно для себя он прочитал заклинание «Метода Великого Равнодушия».

Эта техника происходила из того же источника, что и техника Линсяо, и когда Цю Ибо читал её, Ци также циркулировала в его теле. В конце концов, чтобы найти ученика, нужно сначала понять, что это за техника.

Но, прочитав её, он подумал: «И это всё?»

Возможно, в детстве, услышав о «методе без эмоций», он представлял себе что-то вроде «убийства жены для постижения Дао» или «убийства всей семьи для постижения Дао». Но теперь, попробовав, он понял, что это не так.

Техника не требовала от него убивать кого-то. Разве что глубокая привязанность могла создать препятствия. Убийства, вероятно, были следствием одержимости демонами.

Если относиться ко всему спокойно, то и проблем не будет.

Более того, сейчас эта техника казалась ему даже приятной, приносящей ощущение чистоты и покоя.

Ладно, буду учить. Как же иначе искать учеников, если сам не разбираешься?

Испытание Цю Ибо было уже на носу, но он не знал, чего именно не хватает. Ну и ладно.

Много лет спустя император Лань тяжело заболел. Как и в прошлый раз, он собрал кабинет министров и оставил премьера Цю для личной беседы.

Цю Ибо смотрел на бледное лицо императора на смертном одре. Казалось, вчера император Цзэ лежал так же. Двадцать лет пролетели как один миг, но всё изменилось.

- Почему ты ещё не умер? – хрипло спросил император.

- В семье Цю долгожители, – улыбнулся Цю Ибо. – Мне всего семьдесят, ещё поживу. А вот ваше величество...

Он не договорил.

Императору было всего сорок пять – слишком рано для смерти.

За эти годы император Лань пытался объединиться с Ваннами, министрами, аристократическими семьями... Он не был выдающимся правителем, но и не был совсем уж бездарным. По крайней мере, страна процветала.

Но в его сердце была трещина. Он чувствовал, что не может вырваться из тени Цю Ибо, который, словно огромное дерево, закрывал собой весь Яньцин.

Цю Ибо не цеплялся за власть, и император не был полностью её лишён. Но пока Цю Ибо был здесь, он чувствовал себя как под прицелом.

Пока Цю Ибо был здесь, вся слава этого правления доставалась ему одному.

Возможно, император Лань противостоял Цю Ибо просто чтобы доказать, что он не слабее. И это было именно то, чего хотел Цю Ибо.

Только с этой верой император становился усерднее и амбициознее.

Цю Ибо определённо не хотел получать зарплату премьера, выполняя работу императора, пока тот пил, ел и развлекался с красавицами во дворце.

Если бы можно было поменяться, Цю Ибо с радостью стал бы императором. Он бы точно не стал бороться с премьером. Если премьер справляется – отлично! Он бы просто пил, ел и веселился. Разве это не прекрасно?

Кто вообще любит разгребать кипы документов?

За столько лет Цю Ибо так и не полюбил вкус абсолютной власти. Он не брал взятки, не злоупотреблял положением, не притеснял людей. Власть в его руках была скорее обязанностью – бесконечной работой.

Какой нормальный человек любит работать?

- Старость... не радость... – прокашлялся император. – Я...

- После вашей смерти я тоже уйду, – сказал Цю Ибо.

Император удивлённо посмотрел на него:

- Ты... хочешь уйти в отставку?

- Вроде того.

Вдруг напряжение в его бровях рассеялось, как дым. Он осознал, что все эти годы в мире смертных он прожил не чью-то жизнь.

Если бы он не стал последователем пути, он, вероятно, поступил бы так же, как сейчас: вместе с Цю Ланьхэ управлял бы страной, держа в руках всю власть. Возможно, немного медленнее, но не намного.

Это была бы его жизнь как смертного.

Перед глазами императора лицо Цю Ибо постепенно молодедело, пока не стало таким же, каким он запомнил его при первой встрече в «Весеннем павильоне» – полным жизни и очарования.

- На самом деле я последователь пути, – улыбнулся Цю Ибо, сняв головной убор.

Его седые волосы рассыпались по плечам, подчёркивая его неописуемую прелесть.

- Даже когда ваше величество превратится в прах, я, вероятно, всё ещё буду жив.

- Я... всегда думал... что ты ненормальный...

- Ваше величество уже на пороге смерти, не могли бы вы сказать мне пару добрых слов?

Вдруг раздался голос:

- Младший дядя, пора возвращаться! Старший дядя сказал, что если вы не вернётесь, он сам приедет за вами в мир смертных!

Цю Ибо и император посмотрели в сторону голоса и увидели красивого молодого человека в жёлтых одеждах с несчастным выражением лица.

Ци Ваньчжоу чуть не схватил Цю Ибо за руку:

- Мой наставник тоже сказал, что придёт со старшим дядей. А ещё глава секты просил передать: когда вы наконец закончите тот набор мечей, который обещали ему сто лет назад?.. Э-э... это кто?

- Это император, - сказал Цю Ибо.

Ци Ваньчжоу запнулся:

- ...Всё, мне конец? Мне теперь придётся разбираться с кармическими последствиями?!

- Не волнуйся, - успокоил его Цю Ибо. - Он уже на последнем издыхании.

- Я ещё не умер! - возмутился император.

- Но скоро.

Император поговорил с Цю Ибо ещё немного, в основном о том, что будет с империей после их ухода. Затем он достал из шкафа женьшень, сунул его в рот и, пока был в сознании, исправил завещание, после чего испустил дух.

Цю Ибо взглянул на бездыханное тело императора.

- Пошли.

По логике вещей, «Цю Ибо» тоже должен был умереть от старости.

Он посмотрел в окно на весеннее небо и подумал:

Но я всё ещё жив.

Как последователь пути, Цю Ибо только начинал своё путешествие.